

Александр Рогинский

ВОЛНЫ ЮГА

рассказы

ПАЛАТКА НА ПЛЯЖЕ

— Господи, — сказала, смахивая волосы со лба Лариса, — и довезем ли все это?

— Ну и набрали мы, — сдвинула брови старшая Ирина.

— Как хорошо, — кувыркалась в спальном мешке девятилетняя Оля.

Поезд грохотал на стыках, несся как угорелый. Иногда Ларисе казалось, что они спасаются — то ли от наводнения, то ли от пожара.

* * *

Идею эту подсказала Ирина.

Лариса своих девочек учила плавать с малолетства, даром, что ли, в бассейне уборщицей проработала столько лет.

Все их семейство, считай, и жило в этом железнодорожном бассейне. У Ларисы была небольшая комната в подвале. Тесно, но можно готовить уроки и даже еду — все Лариса приспособила.

Даже спать можно, так что девочки сразу после школы приходили к ней на работу, купались, сколько душе угодно, обедали, играли и готовили уроки.

В гости наведывался тренер Алексей Никифорович, человек в годах, степенный, любивший тренировать девочек, считая их очень способными и перспективными и который любил поговорить с Ларисой.

Была у них взаимная симпатия, которая остановилась на одной — дружеской — точке. Такое между мужчиной и женщиной бывает редко, чтобы обоим приятно было просто общаться.

Алексей Никифорович был человеком одиноким и любил свое одиночество. У него дома была собака и кошка, которых он беззаветно любил и о которых рассказывал как о детях.

— Сегодня Александр так учудил, — начинал он, словно продолжая вчерашний разговор, и садился на выдавший виды кожаный диван с белыми трещинами посередине.

Лариса доставала термос, который всегда у нее был наготове, наливала крепкий чай и усаживалась напротив Алексея Никифоровича.

— Какой прекрасный чай, — всегда говорил Алексей Никифорович, — и продолжал рассказывать про кота Александра, который правил в одиноком доме тренера и имел даже власть над

грозной с виду овчаркой Зоей (однажды, побывав в гостях у Алексея Никифоровича, Лариса видела, как кот Александр, разместившись с комфортом на спине Зои, что-то выгрызал у нее из шерсти).

* * *

Выйдя из бассейна, Ирина сказала матери:

— А вода у нас такая же, как на море, а я на море ни разу не была. А Танька была.

— Твоя Танька и на фортепьяно играет, а ты не играешь.

— Если бы я училась, то еще как бы играла, ты думаешь, я хуже Таньки, вот купи пианино, увидишь.

* * *

Еще пианино им не хватало — и так едва концы с концами сводили. Какая у нее была зарплата в бассейне — слезы. А жить с каждым годом становилось все сложнее.

Иногда (это она делала тайком поздним вечером или ранним утром) Лариса даже по мусорникам ходила.

А как хотелось отдать девочек музыкой заниматься, как хотела, чтобы в их однокомнатной квартире с окнами, выходящими в каменный

колодец, звучал ее любимый полонез Огинского.

Лариса надрывалась, делала все, чтобы девочки не чувствовали своей ущербности, чтобы они жили, как все. Но ничего не получалось, денег не хватало даже на еду и одежду, что уж тут говорить о пианино.

Побывать на море — стало ее мечтой, наваждением. Пианино она не могла купить — ладно. Может, привалит счастье, выиграет, например, в лотерею.

Но море — это ведь достижимая цель. Все вместе, втроем, как это было бы счастливо!

* * *

Море гвоздем забито теперь было в голове. Мечта о нем всегда была рядом. Мыла полы, вдруг разгибалась и мечтательно смотрела вдаль.

Тогда разговор о море с Ириной она замяла, но теперь все думала, как бы сделать так, чтобы все-таки на нем побывать. Реальной становилась эта мечта еще и потому, что проезд в один конец у нее был бесплатным, она уговорит свое железнодорожное начальство, чтобы и на детей выдали бумагу, разве она за долгие годы не заслужила?

Бассейн всегда блистал чистотой, ее портрет висел на доске почета.

— Я тебе помогу, — сказал Алексей Никифорович, когда она в минуту откровения разговорилась про море. — Ты права: надо девочек свозить. Плавают же они, как юные богини, пусть поплавают на свободе, путь полетают над волной. Да и ты за тренера сойдешь. И я бы с вами поехал, да не переносу поезда и самолеты — налетался и наездился.

* * *

Конечно, деньги она у тренера взять не могла. А вот, если начать копить. И она начала. Год ушел, чтобы собрать сумму, которая, по ее расчетам, могла бы обеспечить им скромное существование на берегу моря.

Алексей Трофимович посоветовал, когда она не взяла у него денег (не обиделся, был уверен, что не возьмет), не столько тратить, сколько экономить.

— Мы бедны не потому, что у нас ничего нет, а потому, что не умеем распоряжаться тем, что есть. Вот, к примеру, почему бы тебе не взять с собой палатку, спальные мешки, запастись едой по-туристски.

Мужчины, правда, с вами нет, но твои девочки сильные и выносливые, а к еде нетребовательные. Да и не объедаться вы туда едете, а на море посмотреть. Вот тебе и большая

экономия будет.

И верно, если взять палатку и мешки, концентраты и...

Выходило, что без дороги им денег наверняка хватит, даже останется, ведь она и в городе так мало на себя тратила.

И она объявила девочками, что этим летом они едут отдыхать на море (узнала, где можно ставить палатки).

Что тут было! Дочери повисли на ней, чуть не свалили с ног, целовали, обнимали, плакали.

И вот они в поезде. Все пока шло по плану. Даже повезло, проводница душевная попалась, все время чай им бесплатно носила, хотя Лариса и хотела ей заплатить.

* * *

Поезд бешено стучал колесами. Сквозь запыленное окно уже чувствовался теплый воздух, иная атмосфера. Девочки притихли, словно приближался час экзамена. Вдруг почувствовали оторванность от своего дома — какую-то переехали границу. Стало немножко грустно и тревожно.

Лариса бодрилась, пыталась веселиться, но настороженность прочно поселилась в купе. Девчонки смотрели в окна, в глазах у них был испуг. Лариса хотела, чтобы быстрее эта

неопределенность закончилась. Последняя ночь была холодной, из окна страшно дуло.

* * *

А утром в окне они увидели море. Настоящее большое и темно-синее, которое проплывало мимо, маня спокойствием и величием.

К водным пространствам они были привычными, но здесь было нечто другое: иные краски, иной воздух, иное небо.

* * *

Море смотрело на них, как добрый большой пес. Оно звало к себе, всем троим хотелось погладить гладкую, отражающую стальные блики солнца, спину.

Солнце быстро вставало, и это тоже было непривычным.

Доехали до Сухуми и, как заправские грузчики, вынесли свои немалые пожитки на перрон.

На них с удивлением смотрели черные и смуглые, ослепительно белые и буро-красные люди, съехавшиеся сюда со всех концов СССР. Несколько зевак остановилось у горы из их вещей, Лариса готова была отразить любое посягательство на их

собственность (перед отъездом служебные женщины говорили ей, что на юге полным-полно воров и бандитов, что надо быть очень осторожным, а то украдут все вещи или девочек).

Но никто не посягал, а лишь глазели на трех почти одинакового роста подростков, которые зачем-то навезли в жаркие края столько всякого хлама: палатку еще можно было понять, но вот ватные одеяла...

* * *

Лариса еще в городе составила маршрут. Теперь, следуя ему, им надо было пересечь на электричку и проехать до станции Келасури, там и палатку было, где поставить, и река недалеко.

Эту станцию они проехали, потом перегружали вещи на электричку, идущую в обратном направлении.

А когда, наконец, очутились на берегу моря на специально отведенной площадке для палаток, то долго сидели на своих мешках и одеялах обессиленные, не веря, что все уже закончилось.

* * *

Берег был грязным, вокруг валялась бумага, и море здесь было какое-то обыденное, как

выскобленный старый кухонный стол.

Страшно захотелось назад, домой, в Ленинград.

У девочек Лариса снова увидела в глазах испуг, отчужденность, сердце ее надрывалось. Они мечтали о красоте, а тут была свалка мусора, грязный песок и море — плоское, неживое, равнодушное.

— Все, девочки, — сказала, вскакивая с рюкзака Лариса. — Теперь для начала — купаться.

* * *

Ей представлялось, как они приедут и сразу с разбега бросятся в теплые ласковые волны. А тут брели по берегу — как на каторгу. Море казалось враждебным и от этого холодным и неприятным.

Ирина потрогала воду ногой и отдернула ее с отвращением, будто там лежала мокрая скользкая змея.

Оля присела на корточки и погладила воду рукой. Лариса смотрела на своих девочек, с ужасом видела, какие они худющие и неприкаянные. Чужбина возвела забор даже между ними. После того, как приехали, ни слова еще не произнесли ее девочки.

Все трое были одеты в красные купальники (Ларисе перепали они от бассейна) и казались из

одной команды. Даже прически «под мальчика» у них были одинаковые.

Лариса первая вошла в воду и ощутила непривычное жжение, будто ее обмахнули крапивой.

— Смотри, мама, медуза, — закричала в ужасе Оля. — Осторожно, а то ужалит.

И действительно, в воде было полно медуз. Они словно ждали свои жертвы, помахивая нагло-уверенно жалящими зонтиками.

Ларисе стало нехорошо.

Захотелось кинуться назад, собраться и немедленно уехать.

И вдруг она сообразила, в чем дело. Они ведь привыкли к бассейну: там вода всегда хлорированная и чистая. Да и пространство ограниченное, вокруг стенки, а здесь вон сколько воды, есть куда плыть — и никакой хлорации.

— Ну, доченьки! — крикнула отчаянно Лариса и бросилась в воду.

Она, как и ее девочки, прекрасно плавала. Алексей Трофимович ее тоже тренировал и говорил, что если бы она была моложе, то быть бы ей чемпионкой мира.

* * *

Обернувшись, Лариса увидела стоящих в

растерянности на берегу ее девочек. Они стояли сиротами.

Ей так стало жалко дочерей и себя, что готова была разрыдаться. Что будет с ними, если с ней что-нибудь случится? Эта мысль обожгла, она тут же повернула назад.

— Ну, трусихи, — крикнула что было мочи, — давайте же, Ирина!

Ирина, высоко, как цапля, поднимая ноги, будто так можно было перейти все море и это было ее единственной целью, вошла в воду и неожиданно, высоко подпрыгнув, ринулась вниз головой. Тут же вынырнула и обдала вошедшую по пояс Олю пеной брызг.

Оля заверещала.

Ну, слава Богу, вздохнула Лариса.

Они плавали, словно в ледяной воде. Хотелось выскочить на берег, но Лариса, поменяв брасс на кроль, стала удаляться от берега. И девочки потянулись за ней.

Они отплыли достаточно и обнаружили, что на глубине меньше медуз и вода здесь уже похожа на ту, о которой столько мечтали.

Лариса перевернулась на спину и увидела, больше похожее на само море, чем море, небо.

Из воды они вылезали счастливые. Море взбодрило, сняло усталость. Но сразу стало жарко. До этого жары не ощущали, не до того было, а

теперь словно в духовку попали.

— Это адаптация, — сказала Лариса. — Через пару дней привыкнем, меня предупреждали. Давайте быстрее ставить палатку, а то сгорим.

* * *

В городе солнце существовало для всех — оно слабо светило, наделяя ровным теплом и светом. Правда, летом случалась даже аномальная жара, но стены города, парки служили надежной защитой.

Здесь солнце, казалось, весь свой жар сосредоточило на каждом. Оно сверкало, блистало, катилось по небосклону раскаленным кругом стали.

Палатку поставили быстро: дома натренировались. Домик у них получился замечательным, но внутри было так душно, что даже худые тела вскоре покрылись испариной.

И про эту проблему побеспокоился Алексей Трофимович — что они делали бы без него.

Лариса развернула тент, они перебрались на пляж. Посидев немного и перекусив консервами, решили убрать территорию.

На уборку потратили около двух часов. За небольшим холмом, поросшим бурой сухой травой, обнаружили мусорник, туда всю пляжную грязь и снесли.

— А вечером мы обязательно разведем

костер, представляете, как будет здорово — подбадривала Лариса.

— Мам, а мы что, все время будем тут жить? — спросила Ирина.

— А где же еще, разве тебе здесь не нравится?

— Нет, нравится, — сделала над собой усилие Ирина, — здесь ведь скучно.

Внутри екнуло и обрушилось. Лариса и сама почувствовала приближение, как голодной собаки к еде, этой скуки. Что же они — будут сидеть все время под жарким солнцем пусть даже и под тентом?

Ну да — купаться можно, сколько хочешь, но ведь целый день купаться не будешь. Еще нужно подумать о приготовлении еды, но разве ради этого они сюда приехали?

Вот про это им никто ничего не говорил, да и глупо было бы говорить, едут на юг ведь как раз для того, чтобы купаться и загорать.

— А тебе этого мало? — обвела руками пространство Лариса. — Ты посмотри, какая прелесть. Она понимала, что никакой особенной прелести тут нет, на Неве куда красивей...

— Нет, мне здесь нравится, — попыталась соврать Ирина.

— Но здесь никого нет, — тусклым голосом добавила Оля. — Не с кем играть.

— Ну вот что, — отрезала Лариса. — Хватит

хныкать, разве мы не ехали сюда, чтобы отогреться, позагорать и покупаться в теплом море? Вот оно море — перед вами. И мы все, слава Богу, живы и здоровы.

* * *

Девочки молчали. Они, как и Лариса, чувствовали себя на необитаемом острове. После шумного Ленинграда, толчеи, мелькания лиц и машин, они остались на берегу моря одни в палатке. И возникал естественный вопрос, зачем они здесь?

— Ничего, — повторила Лариса, — это адаптация, очень мучительный процесс.

Они съели без аппетита на ужин концентратный горох, который на скорую руку на керосинке подогрела Лариса и легли спать.

Как только легли, сразу же слышали гудки тепловозов, грохот сцепляемых вагонов. Оказывается, железнодорожная станция, которая находилась рядом, именно вечером начинала жить полнокровной жизнью: формировались составы, что-то грузили, что-то разгружали.

— Ничего, девочки, с нами рядом обязательно кто-нибудь поселится, — успокаивала засыпающая Лариса. — И мы попросим постеречь наши вещи, а сами поедem на экскурсию в Сухуми, на базар...И

вообще будем ездить и ездить, смотреть и смот... На этом слове сон сморил Ларису.

* * *

Разбудил ее какой-то назойливый шорох. Она вскочила и высунула голову из палатки. Метрах в двух прямо на песке сидел мужчина в костюме и, раскачиваясь, смотрел на Ларису.

— Здравствуйте, — сказала Лариса, не сводя взгляда с незнакомца.

— Че — есть им — ею, — едва вымолвил мужчина.

Он был зверски пьян.

Этого еще не хватало. Лариса невольно оглянулась на палатку. Лунный свет прямо падал на дочерей. Они, прижавшись друг к дружке, спали с блаженными улыбками на лицах.

Сердце Ларисы бешено застучало.

Что будет, если...

Она еще некоторое время оставалась наполовину в палатке, не решаясь что-либо предпринять.

Пьяный попытался встать, но это у него не получилось.

— Я, — начал он.

Но язык не повиновался ему.

— Ты... пока не поздно...должен отсюда

уйти.

Это она от страха сказала ему «ты». Никогда в жизни ни с кем, даже с пьяными, она не позволяла себе так разговаривать. Но это был исключительный случай, его надо было напугать.

— Спать, — произнес пьяный.

Он сам подсказал выход из создавшегося положения.

Лариса вынесла из платки одеяло, постелила неподалеку и пошла к мужчине. Он все прекрасно понял и пополз к одеялу. Заполз на него, распластал руки и отключился.

* * *

Утром девочки страшно перепугались.

Ирина предложила вызвать милицию, но Лариса отвергла это предложение.

— Пусть отоспится, с виду на бандита он вроде не похож.

— А на нем новый костюм, снял, наверное, с кого-то — проявила сообразительность Ирина.

— Он что, по-твоему, по городу голый ходил? — впервые улыбнулась Лариса.

— Мама, он нас бить не будет? — спросила встревоженная Оля.

— Не бойтесь, здесь места обжитые, вон там, за холмом станция, вы же слышали...Если что,

будем кричать все втроем. Это наше самое сильное оружие.

Это убедило дочек, но не убедило саму Ларису. Значит, здесь еще и просто опасно, правду говорили служивые женщины. Не вернуться ли, пока не поздно?

Она наверняка сейчас собрала бы все их монатки и махнула с дочерьми назад. Но было страшно стыдно возвращаться. Во-первых, белыми, во-вторых, с поражением. Ее ведь отговаривали, ее предупреждали.

* * *

Они без особого восторга выкупались и сели завтракать. И в это время проснулся мужчина.

— Это я возле вас ночь провел, — сказал он, садясь на одеяле.

Сквозь расстегнутую ширинку были видны красные в белую полоску трусы. Девочки смотрели как раз туда, и Ларисе стало не по себе.

— Вы бы привели себя в порядок, — сказала она. — Идите, освежитесь в море.

— Верно, соседка, пойду.

И мужчина встал и, переваливаясь, пошел к морю. Все трое с жадностью следили, что он собирался делать. Ничего особенного не собирался: разделся до трусов, обнаружив такое же белое, как

и у них, тело, и пошел в воду с решимостью самоубийцы.

Лариса даже привстала, чтобы в случае чего броситься на помощь, пьяный ведь. Но все обошлось, мужчина выкупался, надел на мокрое тело штаны, пиджак и вернулся, как к своему дому, держа в руках рубаху.

Ларисе даже стало его жалко — как приبلудный пес. И шел он неуверенно, примут ли его. И в то же время, заискивающе, чтобы не отказали.

Он подошел и стал в стороне.

— Садитесь с нами завтракать, — пригласила Лариса.

— Садитесь, — испуганно в один голос повторили за матерью дочери.

Мужчина стоял, не решаясь что-либо предпринять. И тут Лариса впервые посмотрела в его лицо. Оно было черным от загара, жестким и задубевшим. Под мохнатыми бровями жили удивительной синевы глаза. Таких синих глаз Лариса еще не видела. И засмотрелась. Мужчина заметил это и слегка кивнул.

— Я что-нибудь поем, — сказал он, тяжело опускаясь недалеко от Ирины.

Ирина, как от прокаженного, отодвинулась в сторону.

— Да не бойся меня, я не страшный.

Год сидел в горах, не спускался, теперь вот получил получку, отпускные и решил спуститься. Купил костюм и новые ботинки. Вчера на базаре. И деньги у меня есть, много денег, вот...

И мужчина вдруг вытянул из внутреннего кармана пиджака толстую пачку сотенок.

Столько денег Лариса отродясь не видела, да еще у пьяного. Наверное, все-таки бандит, банк ограбил, не иначе...

— Я их заработал, не бойтесь. Мне много платят за то, что сижу годами там. И он показал на горы. Я геолог, понимаете, ищу полезные ископаемые...

Деньги он положил на одеяло, словно принес жене получку.

— Заберите сейчас же деньги, — сурово сказала Лариса. — И если это ваша зарплата, спрячьте их сейчас же. И надежно спрячьте, мало ли здесь всяких ходит, а вы в таком состоянии, что вас запросто могли обокрасть, Удивительно, что не сделали этого.

— Да — да, — кивал часто головой мужчина. — Потому я к вам и прибился. И костюм с ботинками я купил...

— Купили, купили, хороший костюм, очень хороший, — одобрила Лариса.

Мужчина жевал сухой хлеб и больше ни к чему не прикасался. Лариса догадалась, что он увидел их бедность, наверное, потому и деньги предлагал...

Лариса юркнула в палатку и вынесла банку тушенки. Стратегия у нее была такой: сначала как можно скромней жить, а в конце отпуска пороскошествовать.

Но сейчас она решила угостить гостя. Не потому, что у него была куча денег, а потому что человек был голоден.

— Нет, нет, — замахал руками мужчина. — Я есть не буду. Или если вы возьмете деньги. Бери, дочка. И он залез в карман и снова вытянул здоровенную пачку.

Ирина отшатнулась от денег. Оля вытянула шею.

— Берите, мне некому их давать, пропадут. Костюм у меня есть, вот и ботинки.

Пьянь сошла с мужчины, он стал похож на человека, только очень неопрятного. Ларисе хотелось сделать ему что-нибудь, чтобы помочь, но она не могла ничего, мешали деньги.

А вдруг он, а тем более девочки подумают, что это все ради этих бумажек, которых ей так не хватало в жизни.